

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И СЕМИОТИКА

"Семиотика обнаруживает двойственное отношение к другим наукам, — писал один из основоположников семиотики, Ч. Моррис. — Это и наука среди других наук, и инструмент наук" [Morris, 1971, 10]. Будучи наукой среди других наук, семиотика использует данные других дисциплин, проливая свет на те входящие в их компетенцию феномены, которые представляют собой с семиотической точки зрения знаковые процессы и знаковые системы. Будучи инструментом других наук, она вооружает их понятийным аппаратом и аналитическими процедурами для исследования изучаемых этими науками явлений.

Несмотря на явную несхожесть целей и статуса семиотики и теории перевода, за последние годы наметилось известное сближение этих дисциплин. Этому сближению, по мнению В. Вильса, способствовало выделение из общей семиотики лингвосемиотики, согласно исходным постулатам которой естественный язык является, прежде всего, семиотической системой и каждый текст поддается описанию в семиотических терминах [Wilss, 1980, 10].

Изложению целей и задач теории перевода с позиций функциональной лингвосемиотики посвящена работа С.Н. Сыроваткина [Сыроваткин, 1978]. Автор использует в качестве ключевого понятие перевода как кодового перехода, представляющего собой семиозис, т.е. знаковый процесс, в ходе которого осуществляется ряд операций перехода от различных систем прообразов к единому образу — языковому знаку. Лингвистическая теория, на которую опирается С.Н. Сыроваткин, не ограничивается рамками имманентной структуры языка. Единственным типом "полного знака", которому она приписывает статус реального бытия, является высказывание. Что же касается элементов низших уровней (синтагм, слов, морфем), то они рассматриваются как строительный материал для актуального знака — высказывания, рассматриваемого вслед за Э. Бенвенистом в качестве центральной лингвосемиотической категории [Бенвенист, 1974].

Рассматривая модус бытия знаков, С.Н. Сыроваткин использует оппозиции "система—текст" и "актуальное—неактуальное". Неактуальная система сама по себе, в отвлечении от систем актуализации, не может породить естественные тексты. Она лишь задает правила игры. Актуализация понимается как включение неактуального текста (предложения или множества предложений) в систему отношений, которые Ч. Моррис определял как измерения семиозиса — синтактику (отношение "знак : знак"), семантику (отношение "знак : референт") и прагматику (отношение "знак : человек").

С.Н. Сыроваткин расширяет этот традиционный список семиотических отношений, включая в него вместо единого семантического измерения перцептику (отношение между экспонентом знака, т.е. его физическим субстратом, и его понятийным содержанием), сигнифику (отношение между экспонентом знака и его чувственным образом) и сигматику (отношение знака к объекту). Кроме того, он

расчленяет прагматику на два измерения — инструментальное и эмотивное (экспрессивное).

С указанными семиотическими отношениями соотносятся проблемы перевода. Так, к перцептике, устанавливающей связь между экспонентом знака и его понятийным содержанием через акустико-моторные представления, относятся представляющие собой камень преткновения для перевода проблемы паронимии (типа *to yell with Hale* 'орать вместе с Хейлом', построенное на звуковом сходстве с *to hell with Yale!* 'к черту Йейл!' — лозунгом Гарвардского университета) и гетерономии (например, "ложные друзья переводчика" типа англ. *commutator* 'коллектор' и рус. *коммутатор*). К проблемам сигнифики относятся различия во внутренней форме или мотивированности знака (например, *tall hat* не 'высокая шляпа', а 'цилиндр', *he drinks like a fish* не '*он пьет как рыба', а 'он пьет как сапожник'). Сигматика включает важный для перевода вопрос о соотносительности высказывания с вне-языковой действительностью — существенный момент в актуализации языкового знака.

В сфере прагматики инструментальное измерение понимается как ориентация высказывания на контакт с адресатом, увеличение его информированности и изменение его поведения. Иными словами, речь идет о цели высказывания. Ср. случай ложной интерпретации цели в "Доме вдовца" Б. Шоу: "Well?" "Quite well, Sartorius, thankee." "I was not asking after your health, sir, you know." Предлагается следующий перевод: "Ну как?" — "Да так, дорогой Сарториус, помаленьку, потихоньку". Передача экспрессивного начала порой требует переводческого комментария или транспонирования высказывания в другую систему культурных ценностей.

Описывая процесс актуализации языкового знака, автор делает важный для перевода вывод о том, что "мыслительный эквивалент" актуального знака не исчерпывается словарями и грамматическими понятиями, которые могут быть соотносены с данным экспонентом. Он включает серию пресуппозиций и импликаций, обусловленных контекстом семиозиса [Сыроваткин, 1978, 69].

Работа С.Н. Сыроваткина интересна тем, что в ней излагаются исходные положения лингвосемиотики, ориентированной на перевод, и намечаются интересные перспективы ее приложения к теории перевода. Однако едва ли можно рассматривать лингвосемиотику как единственную теоретическую базу переводоведения. Думается, что теория перевода должна опираться на собственный концептуальный аппарат, соответствующий объекту и целям исследования. В то же время она должна обогащаться теоретическими и эмпирическими данными других дисциплин, использовать выработанные ими понятия и процедуры, избегая при этом односторонней ориентации лишь на одну из них. Такая односторонняя ориентация может в ряде случаев смещать перспективу. Так, например, явно односторонний характер носит встречающееся в литературе определение процесса перевода как простого перекодирования [см., например: Kade, 1968]. Поскольку перевод — это не только транспонирование текста в дру-

гую систему языковых знаков, но и в другую культуру, он не сводится к перекодированию, а представляет собой также и объяснение, истолкование, интерпретацию (подробнее см. гл. V).

В посвященной семиотическому анализу перевода статье Г. Тури перевод рассматривается как знаковый процесс (семиозис), связанный с сосуществованием различных знаковых систем естественных языков и налагаемых на них "вторичных моделирующих систем" культуры (термин Ю.М. Лотмана). Внимание автора сосредоточено на операциях переноса (transfer), в ходе которых объект, принадлежащий к одной знаковой системе, преобразуется в объект, относящийся к другой системе. Отличительной чертой этого процесса является то, что новый объект, принадлежа к системе-рецептору, в то же время репрезентирует объект, относящийся к исходной * системе. Это достигается благодаря наличию некоторых инвариантных черт, связывающих указанные объекты.

Каждая операция переноса связана с наличием трех типов отношений" 1) между объектом и соответствующей системой (приемлемость с точки зрения норм данной системы); 2) между двумя объектами (адекватность, эквивалентность, соответствие); 3) между системами (кодами). При любой операции переноса существует возможность создания разных объектов на базе одного исходного. При этом каждый из вновь созданных объектов может обнаруживать различные отношения к исходному, т.е. разделять с ним различные инвариантные признаки. Отсюда следует, что подобные операции необратимы. Иными словами, всегда существует потенциальная возможность реконструкции нескольких исходных объектов на основе одного конечного объекта.

С" точки зрения характера знаковых объектов, а также систем (кодов) разновидность переноса, традиционно именуемая переводом, характеризуется следующими признаками:

а) прежде всего, речь идет о межъязыковом переносе, при котором кодами являются естественные языки, или, точнее, о переносе межтекстовом, поскольку объекты, участвующие в данном процессе, — сообщения (тексты), закодированные с помощью естественных языков и налагаемых на них вторичных моделирующих систем (литературных, религиозных, общественно-политических и др.). Подобно языковым кодам, служащим в качестве первичных моделирующих систем, вторичные моделирующие системы, участвующие в семиозисе, могут отличаться друг от друга. Так, например, известны случаи, когда изначально религиозный текст впоследствии переводился как художественный;

б) данный перенос не зависит от отношений между системами. Это не значит, что межсистемные отношения не влияют на формирование конечного текста. Напротив, отношение между языками, с одной стороны, и между вторичными моделирующими системами — с другой, входят в число факторов, влияющих на переводимость. Дело лишь в том, что характер этих отношений, диапазон которых весьма широк, не относится, по мнению Г Тури, к специфическим признакам перевода;

в) перенос обеспечивает наличие определенных асимметричных отношений между двумя текстами [Toury, 1980, 99—103].

Статья Г. Тури не ставит перед собой цели дать законченное описание перевода в семиотических терминах. Перед нами скорее черновой набросок, попытка сформулировать некоторые соображения сугубо предварительного характера, чтобы стимулировать дальнейшую дискуссию.

В целом можно согласиться с утверждением об однонаправленности процесса перевода, об асимметрии отношений между исходным и конечным текстами, о примате межтекстовых связей по отношению к межъязыковым. Верно и то, что одна из основных тенденций развития переводоведения за последние десятилетия заключается в постепенном смещении акцентов от межъязыковых к межтекстовым отношениям [Ivir, 1969; Koller, 1979].

По мнению В. Вильса, лингвосемиотический подход к тексту должен исходить из известной формулы: *Who says what in which channel and with what effect?* Применение этой формулы к тексту позволяет выделить четыре измерения текста: 1) тему текста (о чем идет речь в данном тексте); 2) функцию текста (какую цель преследует отправитель текста); 3) прагматику текста (какой круг получателей имеет в виду отправитель текста); 4) поверхностную структуру текста, в которой интегрируются взаимодействующие друг с другом лексика и синтаксис.

В. Вильс выдвигает две гипотезы: 1. Указанные выше четыре фактора образуют строение текста (*Textkonstitution*), представляющее собой интегрированный пучок констант текста (*Textkonstanten*). 2. Тема, функция и прагматика текста, как правило, выявляются в поверхностной структуре текста; следовательно, поверхностная структура текста маркирует семантику, функцию и прагматику текста; только через поверхностную структуру текста читатель получает доступ к его семантической, функциональной и прагматической структуре. В этой связи В. Вильс считает уместным вспомнить слова древнегреческого философа Анаксагора: "мы истолковываем то, что мы не видим, через то, что мы видим" [Wilss, 1980, 16—17].

Намеченную В. Вильсом программу лингвосемиотического подхода к тексту как основы ориентированной на перевод лингвистики текста в целом можно считать достаточно обоснованной. Однако в свете того, что было сказано выше о "сверхсуммарном" характере смысла текста, о роли подтекста и пресуппозиций, едва ли можно рассматривать "поверхностную структуру" как единственный источник сведений о семантике и прагматике текста.

В работе В. Вильса содержится лишь изложение программы интеграции двух подходов к переводу (подхода, основанного на семиотике, и подхода, основанного на лингвистике текста). К. Раис пытается применить этот комплексный подход к анализу конкретного текста и его перевода. Объектом анализа служит перевод на немецкий язык эссе испанского философа и публициста Х. Ортеги-и-Гасета "Miseria y Esplendor de la Traducccion" ("Блеск и нищета перевода") [Reiss, 1980].

Проблема интерпретации того смысла, который автор вкладывает в текст, приобретает особое значение для переводчика. К. Раис в этой связи противопоставляет термин "знак" (Zeichen) термину "признак" (Anzeichen). В отличие от "знака" признак обладает дополнительным смысловым потенциалом, который наслаивается на смысл, эксплицитно выраженный в сообщении. Дополнительный смысловой потенциал, с другой стороны, является отличительной чертой художественно организованного текста, который К. Раис вслед за Ю.М. Лотманом рассматривает как двуплановую структуру (на уровне сообщения и на уровне художественной организации).

Эссе Ортеги построено в форме диалога, который автор метафорически характеризует как путешествие по бурному морю. Это напоминает К. Раис сходную метафору, использованную Я. Гриммом для характеристики перевода: "перевести — значит перевезти, trasladere navegar (переправить на корабле). Ведь тот, кто, подготовившись к плаванию, сумеет собрать команду и с надутым парусом достичь противоположного берега, должен к тому же высадиться там, где другая земля и веет другой воздух" [цит. по: Reiss, 1980, 65]. С этой развернутой метафорой перекликается высказывание самого Ортеги по поводу современных переводов с древнегреческого и латыни. Эти переводы он называет "путешествием на чужбину, в другие, далекие времена и в другую, совершенно иную культуру" [там же, 66]. Все это наводит К. Раис на мысль о том, что в основе художественной организации всего эссе лежит метафора Я. Гримма, уподобляющая перевод морскому путешествию. Гипотеза опирается не только на приведенное выше высказывание Ортеги, не только на встречающуюся в другом месте характеристику перевода как смелого предприятия, но и на часто встречающиеся в тексте языковые знаки, которые, по мнению К. Раис, благодаря своей внутренней форме вызывают ассоциации с морем, побережьем, морским путешествием и т.п. Ср., например: *te acuesto a la ormion* 'я склоняюсь к мнению' (*acostar* 'достигать берега'), *el curso de esta conversacion* 'течение разговора' (*el curso* 'течение воды, курс'), *en el perenne naufragio del vivir* 'при постоянных жизненных неудачах' (*naufragar* 'потерпеть кораблекрушение') и др. Разумеется, во всех подобных примерах речь идет не об авторских, а скорее о языковых метафорах. Однако сам выбор "морского" варианта из нескольких возможных синонимов свидетельствует, по мнению К. Раис, о том, что этот выбор симптоматичен. Языковые знаки функционируют как признаки дополнительного смыслового потенциала.

Рели переводчик, анализируя художественно организованный текст, обнаруживает в нем элементы синтаксического, семантического и прагматического структурирования "второго смыслового плана", он должен по крайней мере предоставить читателю конечного текста возможность подобной интерпретации. И если это невозможно при передаче данных сегментов текста, то целесообразно, применив компенсацию, передать этот второй план при переводе других сегментов (например, перевести *los traductores corrientes* 'обычные переводчики' не как *ein gewöhnlicher Übersetzer*, а как *ein landläufiger*

Übersetzer; la vaguedad 'неясность' не как Unklarheit, а как Verschwommenheit и т.п.).

Трудно сказать, насколько убедительно предлагаемое К. Раис толкование данного текста. В ряде случаев она ссылается на метафорические по своему происхождению языковые единицы с явно стершейся образностью, едва ли вызывающие какие-либо определенные ассоциации в сознании читателя. Объективности ради следует отметить, что сама она не настаивает на выдвигаемой ею трактовке. Не случайно статья называется "Знаки или признаки?" Здесь, по-видимому, важнее сам принцип семиотического подхода к тексту, который резюмируется в следующем выводе: если выдвигаемая автором гипотеза справедлива, то в плоскости художественной организации текста синтактика проявляется в связи между языковыми знаками с "признаковой" функцией, семантика — в связях между ними и "вторым смысловым планом", а прагматика — в их воздействии на читателя, т.е. в отсылке его к другому тексту (гриммовской метафоре). Если же гипотеза несправедлива, то переводчик поступил неправомерно, наделив знаки признаковым качеством.

Из сказанного следует, что известное сближение теории перевода и семиотики, наметившееся за последнее время, еще не привело к ощутимым результатам. Пока лишь удалось сформулировать некоторые принципы семиотического подхода к анализу перевода, наметить определенные перспективы приложения семиотики к изучению перевода, обосновать в терминах семиотики некоторые положения, до этого эмпирически установленные в теории и практике перевода (об однонаправленности процесса перевода, асимметрии отношений между исходным и конечным текстом, о примате межтекстовых отношений по отношению к языковым и др.).

Существенно и то, что текст явился той областью, где тесно переплелись интересы семиотики, лингвистики текста и теории перевода. Не случайно именно в этой области делаются первые шаги к выработке междисциплинарного подхода и применению его на эмпирическом уровне. Однако в целом речь идет пока о выработке некоторых базисных понятий, о первых попытках рассмотреть процесс перевода с семиотических позиций и лишь о первых отдельных опытах конкретных переводоведческих исследований в семиотическом ключе. По-видимому, существуют интересные и перспективные возможности дальнейшего развития связей между теорией перевода и семиотикой. Однако едва ли есть основания говорить о возможности или целесообразности "семиотизации" теории перевода.

В настоящей книге некоторые семиотические понятия используются при рассмотрении таких вопросов, как семантика и прагматика перевода, эквивалентность и др.